

Преданіе Церкви и преданія школы.

(Продолженіе).

Повторяя разсмотрѣнные моменты послѣдованія, мы различаемъ слѣдующіе три акта: 1) Вся церковь призывается сосредоточить все свое вниманіе на имѣющемъ быть произносимымъ: 2) исповѣдуется передъ церковью, что всѣ дѣйствія человѣческія, отмѣтившія рукополагаемаго къ возведенію въ священную степень, являются выраженіемъ Божественной благодати, всегда немощное врачующей и оскудѣвающее восполняющей; 3) вся церковь призывается къ молитвенному испрошенію нисхожденія благодати Духа Святаго на рукополагаемаго, въ чемъ и состоитъ все существо таинства. Въ настоящее время церковь устами присутствующихъ іереевъ и пѣвцовъ отвѣчаетъ на призываніе это словами: „Господи, помилуй! Киріе элейсонъ!“ Но призывъ къ молитвѣ обращенъ не къ іереямъ и не къ пѣвцамъ, а потому подразумѣвается необходимость молитвы всѣхъ присутствующихъ, всѣхъ вырующихъ, всей церкви. Какое же значеніе имѣетъ это возглашаемое церковью многократно: Господи, помилуй? Къ помилованію кого или чего приглашается его Господь? Молится ли каждый о помилованіи себя молятся ли всѣ о помилованіи рукополагаемаго или рукополагающаго или молить вся церковь, устами всѣхъ членовъ ея о проявленіи милости къ ней, какъ къ церкви? Воззваніе „Господи, помилуй!“ имѣетъ неоспоримо тайнодѣйственное, сакраментальное значеніе. Взглянемъ хотя бы на послѣдованіе таинства крещенія. Точно также призывается въ немъ вся церковь молиться Господу о совершеніи всего состава таинства: объ освященіи воды наитіемъ Св. Духа, о

ниспосланиі ей благодати избавленія, о пришествіи на нее очистительнаго дѣйствія пресущественныя Троицы, о томъ, чтобы быть ей банею пакибытія для крещаемаго въ ней, оставленіемъ грѣховъ и одеждой нетлѣнія и т. д. И на каждый изъ этихъ призывовъ къ молитвѣ церковь отвѣчаетъ словами: „Господи, помилуй“. Засимъ всѣ молитвы, произносимыя священникомъ и выражающія составъ совершаемаго таинства, предваряются также провозглашеніемъ: „Господу помолимся!“ и являются такимъ образомъ также общими моленіями всей церкви. Если мы обратимся къ таинству брака, то убѣдимся, что и тамъ все содержаніе таинства испрашивается отвѣтными на ектенью молитвами, равно какъ и молитвами, которыя произноситъ священникъ, предваряя ихъ призывомъ къ общей молитвѣ черезъ провозглашаемое имъ: Господу помолимся! И то же самое молитвенное участіе народа и всей церкви встрѣчаемъ мы и по отношенію ко всѣмъ вообще таинствамъ. Отнюдь не противорѣчитъ всему вышесказанному, что тайнодѣйственныя молитвы произносятся въ настоящее время священнодѣйствующимъ про себя, а не во всеуслышаніе, при чемъ въ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ стоитъ примѣчаніе: тайно, отай, *μυστικός*. Но *μυστικός* ни въ новозавѣтномъ и церковномъ, ни въ классическомъ языкѣ никогда не обозначало тайности дѣйствія въ противоположность открытости; нарѣчіе *μυστικός* обозначаетъ не молча, не скрытно, но тайственно, тайнодѣйственно. Таинства были вѣдомы и открыты членамъ Церкви, пребывая тайнами только для непосвященныхъ. Посланіе Никейскаго собора въ Александрію говоритъ о „весьма таинственномъ рукоположеніи (*μυστικόςφα χειροτόνια*), хотя таковое совершалось видимымъ образомъ, а не незримо и обязательно должно было совершаться явно, а не тайно или скрытно. Лаодокійское правило, противопоставляя громкія и тихую молитву священника не говоритъ, что послѣдняя произносится *μυστικός*, но противопоставляетъ совершеніе ихъ *διὰ οἴσιον* и *διὰ προσηφυσέως*—черезъ молчаніе и черезъ провозглашеніе. Златоустъ превеликое множество разъ говоритъ въ проповѣдяхъ своихъ о тайнодѣйственныхъ молитвахъ, какъ объ извѣстныхъ посвященнымъ (*τοῖς μεμηνμένοις*) т. е. вѣрнымъ въ числѣ его слушателей. „И молитвы благодаренія (евхаристіи, канонъ евхаристіи) также суть общія“, сви-

дѣтельствуесть тотъ же Златоустъ. Подтверждаются его слова и словами теперешней литургіи, ибо произнесенію ихъ и теперь предшествуютъ слова: Благодаримъ Господа! весь народъ, вся церковь призываются къ благодаренію. Не говоритъ священникъ: „буду благодарить Господа“, но всѣхъ призываетъ къ общей съ нимъ молитвѣ. Народъ словами: „достойно и праведно“ одобряетъ этотъ призывъ, согласуется съ нимъ, а это уже само собою подразумѣваетъ предстоящее участіе его въ благодареніи, нынѣ не осуществляемомъ въ виду безмолвнаго совершенія молитвы священникомъ. И въ теперешней литургіи діаконъ призываетъ всю церковь внимать тому, какъ приносятся въ мирѣ святія возношенія или призываютъ всю церковь самой приносить святія возношенія эти. (Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонемъ святое возношеніе въ мирѣ приносить). Молитва при рукоположеніи, произносимая также мистически, таинственно— *μυστικῶς* предшествуется также возглашеніемъ „Господу помолимся!“ О чемъ же приглашается церковь молиться, если не о томъ, что составляетъ содержаніе произносимой съ возложеніемъ рукъ молитвы? Но это возглашеніе: Господу помолимся! обращая молитву при возложеніи рукъ въ молитву общую, уничтожаетъ цѣль и смыслъ произнесенія ея рукополагающимъ про себя. При томъ же въ этой молитвѣ нѣтъ ничего такого, что могло и должно было бы дѣлать ее тайной для народа, для Церкви, для вѣрующихъ. Если весь народъ, вся церковь ранѣе уже были призваны испрашивать у Бога, „да снидетъ благодать“ Святаго Духа на рукополагаемаго, то почему же должны были бы оставаться вѣрующіе глухими къ словамъ самого молитвеннаго призванія,—глухими даже тогда, когда ихъ прямо призываютъ къ участію въ этой самой молитвѣ. Или Церкви, приглашенной уже призывать благодать Святаго Духа на рукополагаемаго, не подобаетъ знать на какое именно служеніе совершается рукоположеніе, къ чему обязываетъ принимаемый санъ и какіе дары для ввѣряемаго служенія испрашиваются? Но это ни въ чемъ не могло бы имѣть себѣ оправданія, противорѣчило бы предшествующему возвѣщенію и призыву. Итакъ, отмѣтка *μυστικῶς*, отнюдь не обозначая произнесенія въ молчаніи, указываетъ только, что священнодѣйствующій приносить молитву только какъ относящуюся къ таинству,

произносить таинственно. Изъ того, что содержаніе молитвы этой должно было оставаться тайною для непосвященныхъ и не быть достояніемъ непосвященныхъ, оказывающихся въ церковномъ собраніи,—отчего напр. и Златоустъ не рѣшается приводить словъ молитвы въ своихъ проповѣдяхъ, оговариваясь всякій разъ, что посвященнымъ они извѣстны, а непосвященнымъ не надо ихъ знать,—можно предположить, что молитвы эти произносились болѣе глухимъ, сдвоеннымъ, пониженнымъ или вообще болѣе тихимъ голосомъ. И теперь еще въ литургическихъ возглашеніяхъ существуетъ извѣстнаго рода музыкальная послѣдовательность,—точнѣе сохранились нѣкоторые слѣды ея. Въ древности, на Востокѣ музыкальное многообразіе возглашеній, условный речитативъ безспорно существовалъ въ значительно большей степени. Въ спискахъ коптскихъ, сирійскихъ и абиссинскихъ литургій имѣются примѣчанія: „священникъ на голосъ Евангелія, или на голосъ Іова, священникъ на голосъ Бытія“ и т. д. Такимъ образомъ, и указаніе *μυστικός*—таинственно, могло быть своего рода музыкальнымъ указаніемъ ¹⁾.

Очень можетъ быть, что пониженіе голоса при произнесеніи тайнодѣйственныхъ молитвъ послужило основаніемъ къ обычаю произносить ихъ скрытно, отай, про себя. Начало такого обычая или упущенія принадлежитъ сравнительно древнему времени. Уже Юстиніанъ требовалъ громогласнаго произнесенія ихъ. „Повелѣваемъ всѣмъ епископамъ и пресвитерамъ, не въ молчаніи, но съ возглашеніемъ, во услышаніе всего народа православнаго, Божественное возношеніе совершать, чтобъ тѣмъ души слушающихъ къ большому возставлены были умиленію и славословію Божію. Тако бо и божественный апостоль учитъ, глаголя: „аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто невѣжды, како речеть „аминь“ Богу по твоему благодаренію? Ибо что глаголеши, не вѣсть. Ты убо добръ благодариши, но другій не создается“. Сихъ убо ради прилично есть, чтобъ святое возношеніе съ возласомъ отъ святѣйшихъ епископовъ и пресвитеровъ произносимы были Богу нашему Іисусу Христу, со Отцемъ и Святымъ Духомъ“ (Novella 137). Что нибудь одно:

¹⁾ Въ весьма значительномъ количествѣ евологіевъ этого указанія „*μυστικός*“ вовсе не существуетъ.

либо Юстинианъ вводилъ властью своею смѣлое нововведеніе, либо самъ боролся съ нововведеніемъ, ослаблявшимъ смыслъ и силу богослуженія. Первое предположеніе вполнѣ исключается цѣлымъ рядомъ соображеній и свидѣтельствъ, а именно: а) характеромъ самого Юстиніана, который отнюдь не былъ реформаторомъ и нововводителемъ, но наоборотъ всегда твердилъ о необходимости хранить преданіе; б) призывами къ общей молитвѣ и вниманію, сохраненными и современной литургіей; в) свидѣтельствомъ Златоуста, что и молитва благодаренія есть общая и что нечего дивиться тому, что народъ возглашаетъ съ священникомъ, когда возглашаетъ и вмѣстѣ съ херувимами и серафимами. Іустинъ мученикъ и Тертуллианъ говорятъ о молитвѣ благодаренія, какъ о молитвѣ всѣхъ вѣрующихъ, всей церкви. Кириллъ Іерусалимскій всеобщее участіе въ этой молитвѣ ставитъ уже внѣ всякаго сомнѣнія. „Тогда говоритъ священникъ: Благодаримъ Господа! ибо мы имѣемъ истинную причину благодарить Бога за то, что онъ насъ, недостойныхъ призвалъ къ столь великой милости, насъ, своихъ враговъ примирилъ съ Собою и далъ намъ духъ усыновленія. Вы отвѣчаете на это: „достойно и праведно“, ибо черезъ благодареніе совершаемъ мы достойное и праведное (въ смыслѣ справедливаго и заслуженнаго). Онъ же не по справедливости, но вопреки справедливости, по милосердію Своему удостоилъ насъ столь великихъ благъ. Затѣмъ поминаемъ *мы* небо и землю, и море, солнце и мѣсяцъ, звѣзды и все неразумное и разумное твореніе: ангеловъ, архангеловъ, силы, господства, престолы, херувимовъ и говоримъ съ Давидомъ: славьте Господа со мною (Пс. 33, 4). Также вспоминаемъ *мы* серафимовъ, которыхъ во Св. Духѣ видѣлъ Исаія стоящими у престола Божія и двумя крыльями закрывающими лицо, двумя же ногами, двумя же летающими, и восклицающими: Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ! (Исаія, VI, 3). Ибо для того повторяемъ мы эту преданную намъ серафимами пѣснь Богу, чтобы соединяться съ небеснымъ воинствомъ въ своихъ хваленіемъ. Освященными духовными хваленіями этими *молимъ мы* тогда челоуѣколюбиваго Бога, чтобы Онъ послалъ Святаго Духа на подлежащія дары, дабы сотворить хлѣбъ Тѣломъ Христовымъ и вино Его Кровью. Когда же совершена духовная жертва эта, безкровное слу-

женіе Богу, мы молимъ надъ этою жертвою примиренія (*επι της θυσιας εκεινης του ιλαριου*) Бога объ общемъ мирѣ церкви и благосостояніи всего міра. Мы молимся о дарѣ, о войнахъ и чиновникахъ, о больныхъ, угнетенныхъ и всѣхъ нуждающихся въ помощи и приносимъ за нихъ эту жертву. Засимъ поминаемъ мы и усопшихъ, во первыхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, дабы Богъ ихъ молитвами и вступленіемъ услышалъ моленіе наше. Затѣмъ молимся мы и объ усопшихъ святыхъ отцахъ и епископахъ и вообще всѣхъ усопшихъ межъ нами, вѣруя, что души ихъ ошутятъ великую помощь, о которой совершаются моленія при подлежащей святой и страшной жертвѣ. Вы это постигнете изъ слѣдующаго примѣра. Я знаю, что многіе говорятъ: что пользы душѣ въ грѣхахъ или безъ грѣховъ покинувшей міръ, когда ее поминаютъ въ молитвѣ? Какъ? Если царь посылаетъ оскорбившихъ его въ изгнаніе, а друзья изгнавшихъ сплетаютъ вѣнокъ и подносятъ его за нихъ царю, не облегчитъ ли онъ имъ наказаніе? Точно также и мы приносимъ Богу за умершихъ, хотя и грѣшныхъ, наши моленія; мы не свиваемъ вѣнка, но приносимъ въ жертву закланнаго за грѣхи наши Христа и стремимся преклонить къ нимъ, какъ и къ себѣ милосерднаго Бога“. Не ясно ли изъ всего этого, что таинство совершается въ силу молитвы всей церкви и притомъ въ данномъ случаѣ именно перво-священнической молитвы ея?

Приведемъ только одно еще болѣе даже древнее свидѣтельство объ участіи народа въ евхаристической молитвѣ. Діонисій Александрійскій свидѣтельствуетъ намъ, что онъ не дерзнулъ подвергать вторичному крещенію просившаго о томъ въ виду возникшихъ у него сомнѣній, не отъ еретиковъ ли получилъ онъ первое. Что же остановило Діонисія? То ли, что получившій сомнительное крещеніе пребывалъ въ церкви, принималъ и вкушалъ Евхаристію, былъ вообще страдательнымъ ея членомъ? Нѣтъ! его останавливаетъ то, что просящій крещенія участвовалъ въ совершеніи таинства. „Бывъ при недавнемъ крещеніи присоединившихся и выслушавъ вопросы и отвѣты, онъ пришелъ ко мнѣ съ плачемъ и самосокрушеніемъ и, упавъ мнѣ въ ноги, началъ исповѣдываться и каяться, что крещеніе, принятое имъ отъ еретиковъ, было не таково и не имѣетъ ничего общаго съ

нашимъ, потому что оно исполнено нечестія и богохульствъ. Говоря что душа его сильно страдаетъ и что отъ тѣхъ нечестивыхъ словъ и дѣйствій у него даже нѣтъ дерзновенія возвести очи къ Богу, онъ просилъ меня преподать ему истиннѣйшее очищеніе, усыновленіе и благодать. Но я не рѣшился это сдѣлать, сказавъ, что для сего довольно долговременнаго общенія его съ Церковью, что я не держу снова готовить того, кто *внималъ* благословенію даровъ, вмѣстѣ съ другими *произносилъ*: аминь! приступалъ къ трапезѣ, протягивалъ руки для принятія святой пищи, принималъ ее и долгое время приобщался тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа“ (Евсевій Цер. Ист. VIII, 9). Итакъ, вся церковь *внимала* благословенію даровъ, сообразно и теперь еще сохранившемуся призыву: *вонмемъ* святое приношеніе въ миръ приносить“; а если она *внимала* и скрѣпляла *внимаемое* своимъ запечатлѣвающимъ: аминь! то и благодареніе произносилось не скрытно, не отай, не въ молчаніи (*διὰ σίωπων* какъ личныя молитвы священника), но гласно, во услышаніе всѣхъ, что не препятствовало ему, конечно, быть произносимымъ таинственно и тайнодѣйственно (*μυστικῶς*).

Отсюда явствуетъ, что Юстиніанъ боролся съ начинающимся нововведеніемъ, а не совершалъ его, отстаивалъ преданный строй, а не покушался на введеніе новаго. Надо предполагать, что онъ былъ современникомъ начинавшагося отступленія отъ преданнаго строя, ибо и столѣтіемъ позже мы видимъ, что безгласное произнесеніе евхаристической молитвы не было еще всеобщимъ. Въ „Лимонарь“ Іоанна Мосха говорится, что многіе священники имѣютъ обыкновеніе произносить евхаристическую молитву громко, такъ что и отроки знаютъ ее. (Лимонарь гл. 196). Но злоупотребленіе, какъ бы ни было оно древне, не освящается въ горнилѣ вѣковъ. „Обычай, не соединенный съ истиной“, говоритъ св. Кипріанъ, „есть только устарѣвшее злоупотребленіе“. Переходъ епископовъ съ кафедръ на кафедру представляетъ весьма и весьма древнее обыкновеніе, которое хотѣлъ всецѣло искоренить еще Никейскій соборъ, столь уважавшій древніе обычаи, и, однако, оно остается злоупотребленіемъ, какъ было и въ началѣ.

Мы повели, однако, всю рѣчь о гласномъ произнесеніи тайнодѣйственныхъ молитвъ только для того, чтобы сохра-

нить въ силѣ приведенныя равнѣ доказательства общаго участія всей церкви въ тайнодѣйственныхъ молитвахъ вообще и въ молитвѣ при возложеніи рукъ въ частности. Если же таинство совершается молитвенно, а не заклинательно и притомъ черезъ общую молитву всей церкви, а не черезъ частную, личную или субъективную молитву священнослужащаго, то и самое таинство совершается всею церковью, хотя, конечно, именно всею т. е. при соотвѣтствующемъ участіи священника для всѣхъ таинствъ, кромѣ рукоположенія, и епископа при рукоположеніи. Въ частности тотъ же самый выводъ можемъ мы выразить слѣдующими словами. Всѣ таинства Церкви совершаются церковью, имѣющею во главѣ священника-пресвитера, кромѣ таинства самаго священства—рукоположенія, совершаемаго церковью, имѣющею во главѣ епископа, коему соборъ священниковъ подчиненъ.

Какое же значеніе имѣетъ въ совершеніи таинства священства, возведенія въ степень самое возложеніе рукъ епископа? На это намъ даетъ совершенный и ясный отвѣтъ современный чинъ послѣдованія. „Не бо въ наложеніи рукъ моихъ, говоритъ возлагающій руки, но въ посѣщеніи богатыхъ щедротъ Твоихъ дается благодать достойнымъ Тебѣ“. (Если это говорится только въ чинѣ рукоположенія во діакона, то исповѣдуются по отношенію къ силѣ и значенію всякаго возложенія рукъ вообще). Чѣмъ же достигается, вызывается творящее таинство „посѣщеніе великихъ щедротъ“ дающее благодать достойнымъ? И на это даетъ намъ точный и ясный отвѣтъ самое послѣдованіе. „Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая проручествуетъ (такого то въ такую то степень); помолимся убо о немъ, да снидетъ на него благодать Святаго Духа“ т. е. да совершится надъ достойнымъ посѣщеніе богатыхъ щедротъ Божіихъ. И затѣмъ послѣ того, какъ вся церковь призвала умилоствленіе Божіе словами: Господи, помилуй! епископъ произноситъ молитву, держа руки на головѣ возводимого въ степень, но вся церковь призывается къ участію въ этой молитвѣ предваряющимъ ее: Господу помолимся. „Велика сила собора или церквей, говоритъ Златоустъ... Приговоръ ихъ важенъ, возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ.

Вотъ почему и готовящійся рукополагать испрашиваетъ при этомъ и ихъ молитвъ и они подають свой голосъ и возглашаютъ извѣстное освященнымъ, а неосвященнымъ не все можно открывать (На 2 Кор. Бес. 18 Русск. пер. X, 632) Само собою разумѣется, что рукоположеніе, сообщеніе благодати священства не можетъ быть совершаемо безъ возложенія рукъ епископомъ или епископами, но все выше нами разсмотрѣнное и приведенное ставить внѣ всякаго сомнѣнія, что оно прежде всего не можетъ быть совершаемо безъ молитвеннаго воздѣйствія и труда и притомъ не только епископа или епископовъ, но и всей церкви, всего народа церковнаго.

VIII.

Много новаго внесли „предсоборные канонисты и литургисты“ въ понятіе о рукоположеніи, а черезъ то и въ тѣсно связанное съ нимъ понятіе о церковной іерархіи. Не постѣснились они объявить, что выраженіе „Божественная благодать и т. д. прочувствуетъ имярекъ и т. д.“ равносильно указанію рукою епископа (М. А. Остроумовъ), хотя и выраженіе *προχειρίζεται* никогда указанія рукою не обозначаетъ и епископъ во всемъ чинопослѣдованіи рукоположенія въ какую бы то ни было степень никакого указанія рукою не производить. Сослались они и на то, что и византійскій императоръ, якобы тоже съ произнесеніемъ той же формулы: Божественная благодать и т. д. хиротонисалъ высшихъ сановниковъ своего двора (А. А. Дмитріевскій); какъ будто фактъ произвольнаго заимствованія одною областью изъ другой, однимъ учрежденіемъ изъ другого налагаетъ печать на заимствуемое, такъ или иначе видоизмѣняетъ его значеніе. Въ священныхъ книгахъ персовъ Зендъ-Авесты, какъ доказалъ ученый переводчикъ и комментаторъ ихъ Шпигель, въ числѣ ритуальныхъ молитвъ есть неоднократныя заимствованія изъ христіанской литургіи, съ которой ознакомились внѣшнимъ, конечно, образомъ послѣдователи Заратустры, благодаря богослуженію и научнымъ школамъ несторіанъ, среди нихъ проживавшихъ. Что же? Развѣ фактомъ этого заимствованія можно пользоваться для того или иного истолкованія христіанскаго богослуженія? Книга „Лионарь“ сообщаетъ намъ, что городскіе ребята играли въ

Евхаристію, произнося воспринятія по слуху святыхъ слова. Римскіе клирики, въ эпоху крайняго растлѣнія нравовъ ихъ, пошли еще дальше; они привели Лютера въ оцѣпенѣніе и ужасъ именно тѣмъ, что произносили евхаристическія слова за собственною своею трапезой, благословляя хлѣбъ, который долженъ остаться хлѣбомъ, и вино, которое должно остаться виномъ. Неужели все это можетъ представляться литургическимъ матеріаломъ даже для сколько-нибудь знакомаго съ литургикой, не говоря уже о томъ, кому „волею Провидѣнія, въ теченіе 25 лѣтъ съ лишнимъ пришлось заниматься богослуженіемъ и заниматься чинами“? Не опрометчиво ли отождествляетъ пр. Дмитріевскій волю Провидѣнія съ распредѣленіемъ профессорскихъ кафедръ? Конечно, безъ воли Божіей не упадетъ ни одинъ волосъ, но воля Божья именуется также и божескимъ поущеніемъ. Проф. Дмитріевскій утверждаетъ совершенно справедливо, что благодать Духа преподается не проручествомъ, даже не проручествомъ Божественной благодати, которая предшествуетъ молитвѣ о ея ниспосланіи, а тѣмъ болѣе не проручествомъ человѣческимъ. Но совершенно несправедливо придаетъ онъ значеніе употребляемому епископомъ въ молитвѣ при руковозложеніи выраженію „проручествуемаго отъ мене“, какъ обозначенію рукополагаемаго. Безспорно проручествуетъ и епископъ, но онъ проручествуетъ не одинъ, а со всею церковью, со всѣмъ клиромъ. Мы уже видѣли, что проручество (*προχρησις*) составляетъ одно изъ правъ законѣрнаго клира, какъ и названіе именъ (*nomenatio*), коего лишаются уклонившіеся (Посланіе Никейскаго собора). По правилу Теофила Александрійскаго, весь клиръ избираетъ, а народъ свидѣтельствуетъ и одобряетъ. Въ молитвѣ при рукоположеніи пресвитера, сохраненной Постановленіями Апостольскими, говорится: „гласомъ клира, въ пресвитерство вданномъ“. Итакъ, епископъ проручествуетъ только вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, въ чемъ, по существующей формулѣ, состоитъ проручество епископа? Текстъ молитвы даетъ намъ на это совершенно ясный отвѣтъ. „Самъ Владыко всѣхъ и сего, его же благоволилъ еси проручествоватися отъ мене въ непорочномъ жителствѣ и непреклонной вѣрѣ“. Но мы знаемъ уже, что удостовѣреніе непорочнаго жителства и непреклонной (въ смыслѣ неуклоненія отъ

православія) вѣры рукополагавшаго совершается по всѣмъ каноническимъ памятникамъ не иначе какъ свидѣтельствомъ всего клира и всего народа и при обязательномъ вопрошаніи народа: „аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о немъ“. Такимъ образомъ, если бы выраженіе „благоволилъ еси проручествоватися отъ мене“ было исконнымъ или и весьма древнимъ, то оно свидѣтельствовало бы только объ участіи епископа въ совокупности человѣческаго проручества, которое уже объявилъ онъ передъ церковью проручествомъ Божественной благодати, всегда немощная врачующей и недостаточная восполняющей, т. е. руководившее совѣстью и голосомъ избравшихъ и одобрявшихъ. Но исконность выраженія этого устраняется тѣмъ, что въ древнѣйшихъ формулахъ оно отсутствуетъ, будучи только вставкою позднѣйшаго времени. Сопоставимъ употребляемую нынѣ формулу съ формулою Апостольскихъ Постановленій.

Ап. Пост. VIII, 6.

„Самъ и нынѣ призри на раба Твоего сего, гласомъ и судомъ клира всего въ пресвитерство вданнаго и исполни его духа благодати и совѣта

Самъ, Владыко всего, и сего, его же благоволилъ еси проручествоватися отъ мене, благоволи подъяти великую благодать Святаго Твоего Духа и совершенно покажи раба твоего и т. д.

Въ формулѣ IV вѣка, изданной между прочимъ самимъ пр. Дмитріевскимъ, въ свою очередь отсутствуетъ всякое указаніе на проручествованіе епископомъ. Приведемъ эту формулу въ сопоставленіи съ формулою апостольскихъ Постановленій“.

Евхологій Серапіона Тмуитскаго.

„Руку простираемъ (*την χείρα ἐκτείνομεν*) Владыко, Боже небесъ, Отче Единороднаго Твоего *надъ человекомъ симъ* и молимся, чтобы Духъ истины снизошелъ на него; даруй ему разумъ и вѣдѣніе и доброе сердце, да почиетъ на немъ божественный Духъ (собств. да будетъ въ немъ—

Апост. Постан. VIII, 6.

„Господи Вседержителю Боже нашъ, иже Христомъ вся создавый и Имъ всяческая промышляяи свойственно. Ему же бо сила различная сотворити сему и сила различно промышляи. Сего бо ради промышляеши, Боже; о смертныхъ стражбою единого, о смертныхъ же преемствомъ, о душѣ попеченіемъ законовъ,

γένητο ἐν αὐτῷ), чтобы онъ могъ управлять народомъ твоимъ (*οἰκονόμησα τὸν λαὸν σὸν*), блюсти божественныя твои слова и примирить народъ Твой Тебѣ нерожденному Богу, который, удѣливъ отъ Духа Моисея на избранныхъ имъ, отъ Духа Святаго удѣли и имярекъ, Духа Святаго отъ Духа Единороднаго въ дарованіе премудрости, разума и правой вѣры, чтобы онъ могъ служить тебѣ съ чистою совѣстью ради Единороднаго Твоего Иисуса Христа, чрезъ Котораго Тебѣ слава и держава во Святомъ Духѣ нынѣ и во вся вѣки вѣковъ. Аминь.

(Переводъ пр Дмитріевскаго)

о тѣлѣ исполненіемъ нужды. Самъ убо и нынѣ призри на святую Твою Церковь, и умножи ю, и исполни юже въ ней предстоящія и даждь силу во еже трудитися имъ словомъ и дѣломъ къ назиданію народа Твоего. Самъ и нынѣ призри на раба Твоего сего, гласомъ и судомъ клира всего въ пресвитерство вданнаго и исполни его духа благодати и совѣта еже заступити и правити народъ Твой въ сердцѣ чистѣ, имъ же образсмъ призрѣлъ еси на народъ Твой избранный и повелѣлъ еси Моисею обрати старѣйшинъ ихъ же исполнилъ еси Духа. И нынѣ, Господа, подаждь, не оскуденъ сохраняя въ насъ духъ благодати Твоея, яко, да исполненъ бывъ дѣйствъ цѣлительныхъ и слова поучительнаго, въ кротости накажетъ народъ Твой и поработаетъ Тебѣ искренне въ мысли чистѣ и душѣ хотящей и яже о народѣ непорочныя священнодѣйства, совершить, Христомъ Твоимъ, съ Нимъ же Тебѣ слава, честь и почитаніе и Святому Духу во вѣки. Аминь.

Если мы не будемъ принимать въ соображеніе догматическаго вступленія формулы Апостольскихъ Постановленій, пространно излагающаго, что Создавшій есть и Промышляющій и Промышляющій различно о безсмертныхъ и смертныхъ, о душѣ и о тѣлѣ, откуда вытекаетъ и молитва объ умноженіи Церкви и трудѣ предстоящихъ, то по внутреннему содержанію объ древнія формулы представляются

безусловно тождественными. И по той и по другой формулѣ испрашивается предоставленіе рукополагаемому во пресвитера благодатнаго дара для одного и того же служенія—управленія народомъ (*οἰκονομία τὸν λαὸν σὸν, κυβερνεῖν τὸν λαὸν σὸν*). Въ формулѣ Апостольскихъ Постановленій это управленіе опредѣляется еще и какъ поученіе народа и какъ совершеніе непорочныхъ священнодѣйствъ за народъ; въ формулѣ Евхологія та же дополнительная мысль высказывается словами „блжсти божественныя твои слова и примирить народъ Твой Тебѣ нерожденному Богу“, что достигается именно священнодѣйствомъ за народъ. И въ той и въ другой формулѣ служеніе пресвитеровъ отчасти сопоставляется съ поставленіемъ старшинъ, которыхъ поручено было избрать Моисею и которыхъ Богъ исполнилъ духа. Въ переводѣ пр. Дмитріевскаго есть непростительная ошибка, происходящая либо отъ плохого исправленія имъ описки переписчика,—либо отъ незамѣченнаго имъ пропуска словъ. Выраженіе „Который удѣливъ отъ духа Моисея на избранныхъ имъ“ въ подлинникѣ не могло стоять, ибо Господь удѣлилъ старѣйшинамъ не отъ духа Моисея, а отъ духа, который на Моисеѣ, что полагаетъ совершенно существенную разницу.

Въ переводѣ LXX *καὶ ἀφείλω ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ ἐπὶ σοῦ* 17 и 25 *καὶ παρείλω ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ ἐπ' αὐτῷ*, т. е. *τῷ Μωσέως*. Въ спискѣ, по изданію пр. Дмитріевскаго, стоитъ *ὁ χαρισάμενος ἀπὸ τοῦ πνεύματος τῷ (του) Μωσέως*, причѣмъ поставленное въ скобкахъ *του* вмѣсто *τω* является очевидно попыткою исправленія текста со стороны издателя. Но, если *τῷ Μωσέως* грамматически невозможно, *τοῦ Μωσέως* немислимо по смыслу и существу. Если почитать за ошибку падежъ собственнаго имени, къ которому относится *τῷ* т. е. читать *τῷ Μωσέφ*, то всякая связь съ продолженіемъ *ἐπι ἐκλελεγμένους* будетъ отсутствовать. Остается предположить, что передъ *τω* или точнѣе *τῷ Μωσέφ* переписчикомъ пропущенъ еще предлогъ *ἐπι*¹⁾. Тогда только получается согласованность съ библейскимъ повѣствованіемъ и восстанов-

¹⁾ Слѣдуетъ читать, какъ и у LXX *τοῦ ἐπὶ τῷ Μωσέφ Τοῦ* и *τῷ* въ спискѣ имѣется; *ἐπι*—пропущено. Вмѣсто того, чтобы вставить, хотя бы въ скобкахъ пропущенное переписчикомъ *ἐπι*, издатель выкинулъ и *του*, заключивъ его въ скобки.

ляется смыслъ. Но это очевидно не единственный пропускъ текста, такъ какъ ὁ *χαρισάμενος* послѣ τῷ *ἀγγελῶν Θεοῦ* стоитъ внѣ всякой связи. Первый періодъ очевидно оконченъ и слѣдуетъ второй, начало котораго пропущено, если не отсутствуетъ, наоборотъ, окончаніе перваго. Послѣ *ἀγγελῶν Θεοῦ* должно было бы слѣдовать только τῷ *χαρισάμενος*, а не ο *χαρισάμενος*. Пр. Дмитріевскій не замѣтилъ, что выраженіе: „Который, удѣливъ отъ духа Моисея на избранныхъ имъ (имъ въ подлинникѣ отсутствуетъ) не допускаетъ относящагося къ нему же повелительнаго наклоненія „удѣли“, какъ не замѣтилъ и того, что причастіе ὁ *χαρισάμενος* можетъ обозначать только удѣлившій „или“ который удѣлилъ, но никоимъ образомъ не можетъ передаваться черезъ который, удѣливъ—ὄς, *χαρισάμενος*. Такимъ образомъ точный переводъ всей молитвы гласилъ бы: „Руку простираемъ, Владыко, Боже небесъ, Отецъ Единороднаго Твоего, на человѣка сего (*ἐπὶ τὸν ἀνθρώπον τοῦτον*) и молимъ, чтобы пребывалъ на немъ Духъ Святой. Разумъ даруй ему и вѣдѣніе и доброе сердце. Да будетъ въ немъ Духъ божественный, дабы могъ онъ управлять народъ Твой и охранять божественныя словеса Твои, и примирять народъ Твой Тебѣ нерожденному Богу. Удѣлившій отъ духа, который былъ на Моисеѣ (читаемъ: *ἀπὸ τοῦ πνεύματος (τοῦ ἐπὶ) τοῦ Μωϋσῆος*) на избранныхъ, Духа Святаго удѣли и сему (*καὶ τῷ δε*) Духа Святаго отъ Духа Единороднаго въ благодать премудрости, и вѣдѣнія, и вѣры правой, дабы могъ онъ служить Тебѣ въ чистой совѣсти ради единороднаго Твоего Иисуса Христа, черезъ котораго Тебѣ слава и сила во Святомъ Духѣ и нынѣ и во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь“.

Произведя попутное исправленіе перевода и текста литургическаго фрагмента, представляющаго для насъ огромную важность и указавъ на внутреннее тожество его съ формулою Апостольскихъ Постановленій, вернемся къ вопросу о проручествованіи епископомъ. Сравненіе обѣихъ древнихъ формулъ между собою и съ употребляемою въ настоящее время приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ. 1) По формулѣ Евхология рука простирается и благодать призывается на человѣка сего (*ἐπὶ τὸν ἀνθρώπον τοῦτον*) безъ всякаго болѣе опредѣленнаго обозначенія. 2) Въ формулѣ Апостольскихъ Постановленій говорится „о рабѣ Твоемъ семъ, гла-

сомъ и судомъ клира всего въ пресвитерство вданномъ“, что выполнѣ отвѣчаетъ порядку избранія пресвитера клиромъ и одобренія народомъ, о коемъ свидѣтельствуется правило Теофила Александрійскаго. 3) Современная формула призываетъ благодать на сего, его же благоволилъ если проручествоваться отъ мене. Совершенно понятно, что когда назначеніе клириковъ, въ томъ числѣ и пресвитеровъ, стало личнымъ только дѣломъ епископа, когда клиръ и народъ оказались устраненными отъ избирательнаго своего назначенія, то и рукополагаемый сдѣлался только кандидатомъ самого епископа, его личнымъ избранникомъ и проручествуемымъ отъ него, а потому не могъ быть обозначаемымъ иначе и въ произносимой при рукоположеніи молитвѣ. Позднѣйшій характеръ этой вставки или замѣны другого исконнаго выраженія обличается прежде всего полной несогласованностью съ другими частями нынѣ дѣйствующаго чинопослѣдованія. Такъ напр. чинопослѣдованіе начинается до сего времени двукратнымъ представленіемъ или приводомъ (*προσφορά, προσφοράς*) подлежащаго рукоположенію передъ епископа, сопровождаемымъ черезъ возглашеніе. Приводится благоговѣйнѣйшій братъ нашъ (такой-то) чтобы стать ему и т. д. (*προσφέρεται ὁ εὐλαβέστατος ἀδελφός ἡμῶν (δεῖνα) εἰς τὸ γένοσθαι αὐτὸν κ. τ. λ.* Eucholog. ed. Goar. 232). Представлять или приводить къ епископу имъ же самимъ избранное, назначенное лицо, его же собственнаго кандидата не имѣло бы смысла. Естественнѣе было бы въ этомъ случаѣ избравшему т. е. епископу представлять его церкви или клиру, что онъ и дѣлаетъ немного позднѣе, но уже не отъ своего имени, а отъ имени Божественной благодати, проручествующей подлежащаго рукоположенію. Если подлежащій рукоположенію по формулѣ Апостольскихъ Постановленій, соотвѣтствующей описательному правилу Теофила Александрійскаго, получаетъ отъ епископа названіе „гласомъ и судомъ всего клира въ пресвитерства вданнаго—*ψῆφῳ καὶ κρίσει τοῦ κλήρου εἰς πρεσβυτέριον ἐπιδοθέντος*, то въ чинопослѣдованіи мы необходимо должны имѣть актъ „вдаванія“—*ἐπίδοσις*, которому очевидно и соотвѣтствуетъ „приводъ“, приведеніе или представленіе—*προσφοράς*. Значеніе „привода“, „представленія“ или „вдаванія“, какъ нельзя лучше выясняется изъ непосредственно слѣдующаго за нимъ акта чинопослѣдованія: испрашиваніе

повелѣнія совершить рукоположеніе: *κελεῦσον, κελεύσατε, κελεῦσον, δέσποτα*. „И возьмутъ имущаго хиротонисатися отъ среды Церкви два иподіакона имуще его между собою и полагающе кійждо ихъ едину руку на выю его и второю рукою держать за руки и преклоняють его ничуща, елико мощно. И глаголетъ единъ діаконовъ во олтари: Повели! Таже поступивше мало преклоняють его, яко же и первые. Глаголетъ иный діаконовъ: Повелите! Таже идутъ близъ святыхъ олтарныхъ вратъ, преклонше его передъ архіереемъ; протодіаконъ же глаголетъ: Повели, преосвященнѣйшій владыко“. Итакъ, если послѣднее „повели“ относится къ рукополагающему епископу, то первое можетъ относиться только къ подлежащему рукоположенію, дабы оно совершилось съ его согласія и не противъ воли его. Промежуточное: „повелите!“ относится очевидно ко всѣмъ присутствующимъ, ко всей церкви, ко всему народу и клиру. По современному „чиновнику“ призывъ этотъ остается безотвѣтнымъ, такъ что не извѣстно, для чего и совершается онъ.

Но по замѣчанію самого проф. Дмитріевскаго, сдѣланному, конечно, не въ предсоборномъ присутствіи, гдѣ ему необходимо было поддерживать отрѣшенность и обособленность епископскаго служенія, въ древнихъ греческихъ чинахъ хиротоніи можно находить указанія, что согласіе на приведеніе къ освященію хиротонисуемаго испрашивалось у каждаго чина клира церковнаго въ такомъ видѣ опредѣленными приглашеніями: *Благослови, Владыко, пѣвцовъ! Повелите! Многая лѣта, владыко. Господи благослови! трижды. Благослови, владыка, чтецовъ! Повелите! — Благослови, владыко, иподіаконовъ! Повелите! — Благослови, владыко, діаконовъ! Повелите! — Благослови, владыко, іереевъ! Повелите! — Благослови, владыка, протоіереевъ! Повелите и т. д.*¹⁾ Отсюда явствуетъ, что приступъ къ совершенію рукоположенія начинается по повелѣнію или разрѣшенію всѣхъ чиновъ клира или всего клира, за которымъ слѣдуетъ и повелѣніе епископа. Всѣ выражаютъ свое согласіе или повелѣніе троекратнымъ: *Господи, благослови!* за исключеніемъ епископа, который выражаетъ его черезъ крестовидное осѣненіе рукою подлежащаго рукоположенію.

¹⁾ Ставленникъ 1904 стр. 58.

Страннымъ является въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, отсутствіе упоминанія о народѣ, который по канону долженъ былъ при совершеніи рукоположенія подлежать вопрошенію и давать отвѣты (аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о немъ); а по свидѣтельству Златоуста и дѣйствительно былъ въ его время вопрошаемъ и участвовалъ своими „возглашеніями“ (На 2 Кор. XVIII б.). Не менѣе странною является и форма приглашенія или призыва не къ разрѣшенію или выраженію согласія, и къ повелѣнію или къ приказанію: *κελεύσας κελεύσαστε!* Позднѣе—византійскій характеръ этихъ призывовъ бьетъ въ глаза; необходимо только объяснить, составлялъ ли самый призывъ византійское нововведеніе или византійская формула призыва явилась только замѣною другой формулы, ранѣе практиковавшейся, и, вѣроятно, церковному обиходу и настроенію болѣе соотвѣтствовавшей. Проф. Дмитріевскій, усмотрѣвъ употребленіе формулъ *κελεύσας, κελεύσαστε* въ церемоналѣ византійскаго двора, считаетъ это и довлѣющею причиною для происхожденія церковнаго обычая или обряда. „Отсюда, говоритъ онъ, эти возглашенія несомнѣнно перешли и въ церковную практику, утвердившись въ современныхъ чинахъ литургій и хиротоній¹⁾. Онъ былъ бы правъ въ томъ только случаѣ, если бы говорилъ о замѣнѣ однихъ возглашеній другими или, точнѣе, о видоизмѣненіи формулы или формулъ возглашеній съ уподобленіемъ ихъ типу византійскаго церемонала. Возглашенія, какъ уже видѣли мы, существовали и во времена Златоуста. Но мы имѣемъ и болѣе древнее свидѣтельство, если не о возглашеніяхъ, то объ испрошеніи согласія присутствующихъ, церковнаго собранія на приступъ къ рукоположенію и на выраженіе такого согласія со стороны церкви. Какъ мы уже говорили, 8-ая книга Апостольскихъ Постановленій въ полнотѣ излагаетъ только чинопослѣдованіе хиротоніи во епископа, а по отношенію къ хиротоніи всѣхъ низшихъ чиновъ ограничивается только приведеніемъ молитвы, произносимой при возложеніи рукъ, изъ чего надо заключать, что вся первая часть чинопослѣдованія была общею для возведенія во всѣ степени. Когда его называютъ и одобряютъ, то народъ собравшись въ день Господень съ пресвитерствомъ и на-

¹⁾ Ставленникъ стр. 59.

личными епископами (при хиротоніи пресвитеровъ, діаконовъ и т. д. въ нихъ не было надобности) *пусть даетъ согласіе*. Старѣйшихъ же прочихъ пусть спроситъ пресвитерство и народъ, тотъ ли это, кого просятъ они себѣ въ начальники, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ, всѣ ли свидѣтельствуютъ, что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго начальствованія... Когда всѣ вмѣстѣ по истинѣ, а не по предубѣжденію засвидѣтельствуютъ, что онъ таковъ..., то опять въ третій разъ... да будутъ спрошены, во истину ли онъ достоинъ священнослужительства, и когда въ третій разъ подтвердятъ, что достоинъ, то *отъ всѣхъ пусть потребуютъ знака согласія*, а какъ скоро дадутъ его, пусть умолкнутъ“. Въ какой бы формѣ ни испрашивалось это согласіе, по смыслу и по существу оно вполне соответствуетъ *κελεύσατε* позднѣйшаго ритуала. Замѣна стариннаго выраженія новымъ, заимствованнымъ изъ византійскаго дворцоваго церемоніала или введеніе новой оттуда же заимствованной церемоніи представляется проф. Дмитріевскому совершенно понятнымъ. „Повели“ и повелите“ эти возгласы были очень употребительны при дворѣ византійскаго императора, говоритъ онъ, а, по его примѣру, и въ патріаршихъ секретяхъ (синодальныхъ палатахъ) константинопольскаго патріарха. Этими возгласами обыкновенно испрашивалось разрѣшеніе у императора или патріарха на то или иное дѣйствіе при церемоніальныхъ приемахъ: на введеніе напр. предъ лице императора или патріарха извѣстныхъ должностныхъ лицъ, на позволеніе имъ сидѣть, начать многолѣтствованіе и привѣтствіе и т. д. ¹⁾ Объясненіе почтеннаго профессора односторонне и неполно; оно не объясняетъ множественнаго *κελεύσατε*—„повелите“. Если къ императорамъ, когда ихъ было нѣсколько, можно было еще обращаться во множественномъ числѣ, то такъ нельзя было обращаться къ патріарху. Кромѣ того обращеніе во множественномъ числѣ къ патріарху или императору уже исключало бы возможность обращенія къ нимъ же въ единственномъ и наоборотъ. Къ кому же обращалось въ византійскомъ церемоніалѣ множественное *κελεύσατε*, перенесенное въ церковный обрядъ? Оно обращалось именно къ народу. Приведемъ одинъ только примѣръ.

¹⁾ Ставленникъ стр. 59.

Передъ нами описаніе церемоніального шествованія императора Льва VI въ великій праздникъ изъ дворца въ Св. Софію. По церемоніалу императоръ на пути отъ дворца до церкви шесть разъ долженъ быть привѣтствуемъ народомъ. На пути разставлены были ради того въ соответствующихъ мѣстахъ официальные подраздѣленія народа, такъ называемые, сообразно традиціоннымъ партіямъ цирка, „синіе“ и „зеленые“ въ официальныхъ, хотя и крайне изношенныхъ форменныхъ одѣянїяхъ партій. Всякій разъ, когда шествіе проходило между выстроеннаго такимъ образомъ и подраздѣленнаго на группы народа, управляющій всѣмъ шествіемъ церемоніймейстеръ возглашаетъ народу *κελεύσατε*, а стоящіе подъ управленіемъ особаго хорѣга или регента речитативомъ возглашаютъ условное привѣтствіе ¹⁾).

Такимъ образомъ выраженіе *κελεύσατε* изъ свѣтскаго ритуала перешло въ ритуаль церковный, именно, какъ приглашеніе къ народу, призывающее къ отвѣтному приглашенію съ его стороны.

Проф. Дмитріевскій, конечно, можетъ разъяснить, что обращеніе къ народу за разрѣшеніемъ или выраженіемъ согласія есть простая любезность литургисующаго какъ и исповѣданіе его, что сила таинства заключается не въ наложеніи рукъ его, объясняетъ онъ присущимъ епископу смиреніемъ. Но въ православномъ богослуженіи нѣтъ мѣста ни для утаиванія истины ради проявленія собственнаго своего смиренія, что было бы въ томъ случаѣ, если бы епископъ отрекался отъ присущей наложенію рукъ его благодатной силы, ни для произнесенія любезностей одному священному чину другимъ, народу—епископомъ. Въ православномъ богослуженіи господствуетъ правда, а потому, если передъ рукоположеніемъ испрашивается согласіе или разрѣшеніе народа, то потому только, что сознается или сознавалась искони необходимость, потребность такого согласія или разрѣшенія. Въ историческомъ обиходѣ православнаго богослуженія видоизмѣняется редакція, внѣшняя форма основныхъ моленій и возглашеній, совершаются приставки и прибавленія, отчасти отодвигающія на второй планъ то, что искони почиталось наиболѣе существеннымъ и тайнодѣйствію близкимъ

1) Danz, Aus Rom und Byzanz 1867 p 120 f.

(введенные въ литургію „Единородный“, Херувимская, Символь, Достойно), но основной, внутренней смыслъ богослуженія остается отъ вѣка, отъ начала неизмѣняемымъ.

Вопрошаніе *κελύβετε* могло вытѣснить и замѣнить другую формулу вопрошанія, ранѣе существовавшую, какъ и свидѣтельствуютъ о томъ Апостольскія Постановленія и Златоустъ, но обязательное испрошеніе разрѣшенія народа на совершеніе рукоположенія продолжало сохраняться съ исконныхъ временъ и сохранилось даже и до нынѣ. Правда, что это испрашиваніе разрѣшенія могло въ соотвѣтствующія эпохи почитаться пустою формальностью, за исполненіемъ которой не ощущалось потребности въ самомъ разрѣшеніи, какъ отвѣтъ. Мы и не сомнѣваемся, что такъ именно въ свое время оно и было напр. въ Византіи. Важно, однако, то, что этотъ остатокъ прошлаго, продолжавшій существовать въ качествѣ пережитка прошлаго, обломка древней правды, не рѣшились и не дерзнули вычеркнуть изъ состава чиновослѣдованія. Мы руководимся Преданіемъ, которое свято въ своемъ источникѣ и отъ источника получаетъ всю дальнѣйшую святость свою. Смыслъ существующаго коренится въ прошломъ и въ немъ получаетъ свое освященіе. Преданіе не было бы Преданіемъ, если бы оно могло начинаться въ любую эпоху и въ любую же эпоху изсякать и прекращаться, утрачивая первобытную силу свою. Итакъ, *κελύβετε* современнаго церковнаго обихода есть преемственный и не замиравшій въ вѣкахъ отголосокъ испрошенія знака согласія всѣхъ, которое, по свидѣтельству Постановленій Апостольскихъ, обязательно предшествовало произнесенію молитвы при рукоположеніи, къ которой и теперь призывается народъ черезъ предшествующее ей: Господу помолимся! Сопоставимъ же выраженіе современнаго чиновника „его же благоволилъ еси проручествоватися отъ мене“—чиновника, неоднократно подвергавшагося передѣлкѣ, съ древнѣйшими и притомъ существенными частями чиновослѣдованія, равно какъ и съ самимъ актомъ человѣческаго проручества, какъ изображаютъ его церковные памятники и каноны. Проручество, какъ уже говорили мы раньше, представляетъ избирательный актъ народа и клира. Могъ ли бы епископъ тотчасъ за производствомъ самого выбора признать его проручествомъ Божественной благодати, всегда не-

мощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей? Полагаемъ, что нѣтъ. Между избраніемъ и признаніемъ избранія пророчествомъ божественной благодати совершается одобрение, свидѣтельствованіе испытываемаго (*δοκιμασία*) съ обязательнымъ участіемъ всей церкви (*συνεδοκησάτης τῆς ἐκκλησίας πάσης* въ Посланіи Климента Римскаго) съ особымъ обращеніемъ къ народу: аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о немъ. Только это испытаніе, свидѣтельство и одобрение уполномочиваютъ, наконецъ, епископа возвѣститъ совершившееся избраніе, какъ пророчество божественной благодати, всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей. Но и это оповѣщеніе и это признаніе совершившагося выбора пророчествомъ божественной благодати совершаетъ епископъ не иначе, какъ испросивъ предварительно согласіе или разрѣшеніе народа, точнѣе всей церкви т. е. народа и клира. Если же епископъ дѣйствуетъ въ рукоположеніи не иначе, какъ съ согласія народа и клира, ибо иначе не имѣло бы смысла ни позднѣйшее *κλεροδοτε*, ни испрошеніе знака согласія древнѣйшихъ временъ, то онъ дѣйствуетъ, какъ исполнитель, а не какъ судящій, опредѣляющій, или какъ судящій и опредѣляющій въ числѣ другихъ, совмѣстно и совокупно со всею церковью. Что же получится, если необходимость для епископа получить для рукоположенія предварительное на то согласіе или разрѣшеніе церкви, мы попытаемся выразить языкомъ или терминологіей каноновъ? Получится не иное что, какъ требованіе, чтобы епископъ не совершалъ рукоположенія безъ воли согласія—*γνώμη* народа и клира—*ἀνεῦ γνώμης τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ* т. е. своего рода антитезъ пресловутому 39 Апостольскому правилу, которое только въ синтезѣ этого положенія и противоположенія получаетъ свое истинно-церковное значеніе. Въ каждомъ своемъ дѣйствіи, въ каждомъ проявленіи своей жизнедѣятельности Церковь дѣйствуетъ сообща, нераздѣльно *in commune*, какъ говоритъ Амвросій Медиоланскій, а потому подразумѣвается для cadaго дѣйствования Церкви, хотя бы и богослужебнаго и тайнодѣйственаго, обязательно согласіе всѣхъ. Рукоположеніе представляетъ исключительное полномочіе епископа, выдѣляющее санъ его изъ всего остального священства, но и оно не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія. И оно подра-

зумѣвается совершающимся и должествующимъ совершаться только съ согласія и соизволенія Церкви. Это не мы говоримъ, а само чинослѣдованіе возведенія въ степень отъ древнѣйшаго его прообраза—даже и до нынѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и каноны (Правило Теофила Александр.). Объ этомъ совершенно опредѣленно возглашаетъ, какъ о догматическомъ проявленіи, Златоустъ. Такимъ образомъ ничто да не совершается въ Церкви безъ согласія или соизволенія епископа (*ἀνευ γνώμης ἐπισκόπου*), но и сей въ предѣлахъ паствы своей ничего да не творитъ безъ согласія и соизволенія всѣхъ (*ἀνευ γνώμης πάντων*), какъ ничего да не творитъ митрополитъ безъ согласія всѣхъ епископовъ, ему, какъ главѣ, подчиненныхъ, „ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ ѿ Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ“ (Ап. Пр, 34).

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
